
Ирина Богатырёва

Семейный портрет на фоне гор

Рассказ

В горы ходить за красотой и одиночеством. Всегда думала так, но не всегда получалось. Для красоты — фотоаппарат, а еще картон и масло, а одиночество лучше всего на двоих. На двоих с кем-то, с кем хорошо молчать. Если вас больше, чем двое, это уже не одиночество. А все эти вершины, перевалы, достижения, подсчеты пройденного и его сложность, хвастовство и бравада с приписыванием себе лишних километров пути и лишнего экстрима, — все оказалось смешным и ненужным. Одиночества и красоты — вот чего она ждала от гор.

Стас, кажется, тоже. По крайней мере, с тех пор как их свело вместе. До этого каждый ходил в компаниях, больших и не общих, там и цели были другие, и походы. Но когда их столкнуло однажды — вот так же, в горах, случайно схлестнулись на одной стоянке две группы, и случайно Светка тогда подвернула ногу, и случайно Стас нес аптечку и был как бы медик у них, у соседей, тогда как в их группе ничего толкового не нашлось, один йод и пластыри; и случайно были из одного города, и случайно стали общаться, вернувшись домой; случайностью было тогда вообще все, не случайное началось после, — в общем, с тех пор как их стянуло друг с другом, решено было ходить в горы вместе. Вдвоем.

Быстро поняли, что так удобней. Тандем оказался идеальной группой, обеспечивающей мобильность. Решения принимались проще, маршруты разрабатывались на раз-два, дисциплины добиваться не приходилось. При этом сохранялась видимость демократии, в смысле, каждый отвечал за себя, хотя в глубине души был уверен, конечно, что лидер здесь именно он. Гендерное разделение ролей обоим тоже устраивало. Это когда мужик мамонта завалит, а женщина — разделает и приготовит, мужик дом построит, а женщина его будет держать в чистоте, мужик дров наколет, а женщина будет поддерживать огонь. Ну и так далее. Правда, в их случае мамонт был заранее завален и сублимирован, а дом устанавливался минут за десять, так что мужику оставалось только все это на себе унести как можно дальше. Собрать хворост, развести и поддержать огонь, а также найти для временного дома удобное место, ровное и сухое, под тенью деревьев и недалеко от источника воды — это оба любили и делали с одинаковым удовольствием.

Ирина Богатырёва родилась в Казани, выросла в Ульяновске. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Автор пяти книг прозы, литературного перевода сборника алтайских сказок и публикаций в журналах «Октябрь», «Новый мир», «Дружба народов» и др. Финалист и лауреат многих литературных премий, в том числе по литературе для подростков и премии «Студенческий Букер». Играет на варгане в дуэте «Ольхонские ворота». Живет в Москве. Предыдущая публикация в «ДН» — рассказ «Трофей» (2019, № 3).

В городской жизни тандем был скоро назван семьей. Свадьбу справили весело и по-туристски: на два дня зарубились в лес недалеко от города, благо, город у них в таком месте, что все нужное рядом: скалы, древнее дно древнего моря с рифами и окаменевшей жизнью. Пили, пели. Навесили веревок на ближайшем останце, лазали на время, на ловкость, жених порывался залезть без страховки, но его со смехом оттащили. В общем, было хорошо, но на утро третьего дня, когда по поляне шелкали дуги палаток и свадебный караван собирался в обратный путь, в город, Светка поняла: все. Это последний раз, когда она пошла в горы в компании. Больше — никогда. Горы — это красота и одиночество. Ну и еще — теперь — Стас.

Потому что стало понятно: что-то уходит, просачивается сквозь пальцы, а вернуть нельзя, дважды в одну реку не войти. Истина заезженная, как старая пластинка в доме родителей, которую уже и слушать не станешь, разве что сохранишь: антиквариат, но вдруг она для нее заиграла. Будто что-то в голове освежилось, глаза открылись, и стало ясно — да, не войти. Сколько бы ни старалась. Как бы ни хотелось. Вода несется, река несется, и это уже не та река, что была секунду назад, и Светка уже не та, что была год, месяц, секунду тоже назад.

Она сидела на берегу, и река равнодушно шумела мимо, словно где-то наверху, на леднике, кто-то забыл выключить кран. И капля, попавшая в нее там, на выходе из ледника, уже пронеслась, и уже попала где-то ниже в другую такую же реку, и так без конца, и выхватить ее, забрать невозможно. Как и оставаться такой же, как прежде — снегом, льдом, ледником, собою, когда еще были важны все эти достижения и перевалы, и их категории, и их сложность, когда жизнь казалась скучной без личных маленьких побед над нею, и горы давали вкус таких побед каждый день. Чего же она хочет теперь? Теперь она хочет чего-то совершенно другого. Это стало понятно, и ничего не поделать. Это был такой же естественный процесс, происходящий в ней самой, как и река и тайга по ее берегам.

Наверное, это старость. Пристроив крошечное зеркальце на коленке, разглядывала то, что оно отражало: скулу, висок, угол глаза, прядь волос. Седых нет. Конечно, еще нет, хотя будут, теперь это ясно. Солнце било в глаза, отражение прыгало, река шумела. Перед собой, на коряжке, пристроила картонку 20x15, рядом — палитра. Этим летом у нее масло. Мольберт с собой тащить не стала. Да и писать решила только такие вот крошечные этюдики, они занимали у нее от силы час. Нарисует на привале и оставит там же, на стоянке. Картонок с собой была пачка, и было приятно от них постепенно избавляться — как будто оставляла часть себя на каждом километре пути.

Этюдик уже получился, такой, как она хотела, — вот и река, ее блеск, разлив, вот и стекающие над самой тесниной с обоих берегов каменистые кручи, здесь их называют боомы. Темно-зеленым был намечен лес по берегам, а ярко-белая точка — ледник там, где сходится перспектива: белесое небо, серо-зеленые горы и голубая река. Получилось нормально. Можно, конечно, лучше, но для этюда вполне. Однако теперь хотелось другого: хотелось вписать в пейзаж себя. Автопортрет на фоне ледника. Когда еще сделаешь такое? Но отражение прыгало, настроение не улавливалось. А какой портрет без настроения?

Это был один из тех спокойных и теплых дней, который потом будет забыт, один из всего похода, но сейчас он был счастьем. Дневка, они никуда сегодня не пойдут. После недельных переходов отдых — это подарок. Бесконечный день, и жара, так что даже вымыла голову в холодной и жесткой реке, и от этого особенно было приятно. И приятно было сидеть и никуда не лезть, не преодолевать километры и не выжимать из себя силы.

Наверное, все-таки старость, думала Светка, шурясь на ледник: он уже не манил. Хотя это не совсем правда: они и раньше ее не манили, в смысле, залезть, покорить, воткнуть флажок в сугроб на самой вершине, за которой только пустота и ультрамарин. Они манили больше собой любоваться. Как и сейчас. Так что вряд ли она кардинально

переменилась. Альпинистом в их танденме был Стас, а она — так, матрасник голимый. Но ей за это совершенно не было стыдно.

Стас и не смог усидеть на месте: еще утром ускакал куда-то на южный склон горы, под которой они остановились, и не было его до сих пор. Ничего, вечер не скоро. А когда придет, можно будет рассказать ему, как играло солнце в воде, как шумела река, как блестел ледник, и как шмыгали вокруг наглые поползни, таская обгорелый хлеб из остывшего кострища.

Она еще раз оглядела этюд: вот чего тут недоставало — костра. Точнее, остывшего кострища, черной точки у самой реки. Природа оживает, когда в ней появляются люди. Или хотя бы признак людей, отголосок присутствия. А автопортрет — ладно бы с ним. Будут еще стоянки, и будут еще пейзажи. Успеет нарисовать.

Она поднялась и пошла к воде умыться. Солнце палило, как оголтелое, на небе — ни облачка. Река шумела. Птицы свистали, кузнечики трещали. Одиночество было полным, красота — неизбежна.

Сначала показалось, что глюк. Так бывает: если долго сидишь у болтливой реки, рано или поздно она заговорит с тобой человечески голосом. Но чтобы так ясно, членораздельно.

Река спросила:

— Глубоко? — А потом снова: — Холодно?

Светка опешила: ну да, холодновато, но вот глубоко ли, не знает, не входила еще.

А река опять, с сомнением:

— Может, не лезть?

И кажется, даже ответила сама себе, только другим тембром, мужским, так что слышно было хуже.

Зато стало слышно, как кто-то ломится сквозь кусты, продирается всем телом, и прежде чем Светка подумала с испугом: «Медведь!» — на поляну вывалился мужчина в одних трусах, зато с огромным рюкзаком, загорелый, поджарый, с выгоревшими на солнце усами и волосами.

— Привет, — сказал он, с разворотом скинул рюкзак на землю и расправил плечи. Подошел, протянул руку: — Михаил. Мы переправимся тут, не возражаешь?

Руку сдавило, как будто тисками. Светка не возражала, а мужчина уже ушел обратно в кусты. Зашумело — он снова переходил реку. Босиком, холоднющую — кожа на голове до сих пор не согрелась с тех пор, как помыла. Но мужчина был весь раскаленный изнутри, так и пыхал жаром и силой. Растопит ледник, согреет горную реку. Светка поняла вдруг, что сидит в одном бикини, и как-то это неуместно, тут тебе не пляж. Побежала к палатке одеваться.

Пока одевалась, пока раздувала костер и ставила канчик для чая — правило горного гостеприимства, — Михаил сходил туда-обратно через протоку раза три, перетаскивал рюкзаки и всю свою команду. Вывалились на поляну: парень, совсем юный, с пробивающимися усиками, но уже крепкий и подтянутый; девица чуть постарше его, широкая и сильная, с таких лепили бесконечных советских комсомолок, девушек с веслом и ядром, настоящий боевой товарищ, и было предсказуемо, что зовут ее Анкой; и, наконец, женщина прилично за сорок, очевидно, мать этих двоих, тоже спортивного сложения. Ну и Михаил.

Вывалились, поздоровались, но в целом Светку не замечали, как если бы и она, и костер, и палатка были неотъемлемой частью пейзажа. Юноша бухнулся на землю, стал стаскивать ботинки и выливать из них воду. Он один переходил брод обутом, поэтому был осмеян.

— Потерпеть можно, не так-то и холодно, — говорила Анка, разуваясь тоже. Они с матерью форсировали реку в туристских сандалиях на толстой подошве. Встала на землю, расправила покрасневшие от холода пальцы.

— Ты носки тоже, что ли, не снял? — качала головой мать, глядя на юношу.

— Да ну нафиг, холодно, — слабо отмахивался тот, выжимая носки и ставя ботинки поближе к огню, разворачивая их вверх подошвой.

— Не высохнут, — качала головой Анка. — Теперь будешь весь оставшийся поход в мокрых шлепать.

— Лучше пять минут потерпеть, чем потом всю жизнь маяться, — авторитетно заявил Михаил. Сам он стоял на солнце, грелся, но с таким видом, будто оказался здесь случайно. Ноги его были не красные — синие. На левой большой палец наливался на глазах, как груша.

— Ушиб? — ахнула женщина, заметив.

— Пустяки. Заживет до свадьбы. Если не отвалится.

Он властно притянул ее к себе, чмокнул в щеку. Дети постарались отвернуться. А Михаил уже оглядывался вокруг костра:

— Что? Где у вас тут топор? Так не закипит никогда.

Светка развела руками: топора у них не было. Раньше, когда ходили большой компанией, всегда кто-нибудь носил с собой, и рубили, и стук звенел по утрам на стоянках. Но тандемом решили, что обойдутся без. Лишний вес, лучше взять с собой газ и горелку, а хвороста в лесу всегда хватит. Двоим, по крайней мере.

Но Михаил так не думал. Покачал головой: беспорядок. Распотрошил свой рюкзак, извлек ботинки, старые джинсы, обрезанные по колено, и топор. Натянул штаны, обулся. Перекинул топор через плечо, как заправский дровосек. Скомандовал:

— Кто со мной?

Вызвалась Анка, хотя смотрел Михаил на парня. Но тот не горел желанием влезать в сырые ботинки, так что ушли вдвоем, и слышно было, как перекликаются по склону — деловито, бодро, весело.

— Мы тут пообедаем у вас, не возражаете? — спросила женщина, уже извлекая на свет ворох разноцветных пачек — каш, супов, хвост колбасы и полбуханки ржаного. Будто только из магазина.

Светка не возражала.

Пока котелок закипал второй раз, пока Михаил рубил дрова, высоко замахиваясь, пока пытался привлечь к этому делу юношу, которого, как оказалось, нежно звали Алёшей, пока всячески подначивал его и вызывал на слабо, пока они обедали, пытаясь угостить и ее, но Светка — нет, спасибо, я чай, — так что было уже непонятно, кто гость, а кто сидел весь день у огня, ожидая возвращения мужа с добытым мамонтом, — пока все это, узнала о них многое. Что они москвичи, точнее, из Подмосковья — Люберцы, Лыткарино, где-то там; туристы, но на Алтае еще ни разу. У женщины — ее звали Татьяной — за плечами сплавы и восхождения, Урал на лыжах и Кавказ в анамнезе. Анка тоже в походах бывала, а еще занималась каякингом и ходила по канату. Когда Светка удивилась — как так? — выяснилось: обыкновенно — Анка была циркачкой, заканчивала училище. И только для Алёши, еще по-детски застенчивого, это были первый поход, и первые горы, и вообще все в первый раз. Он хоть и выглядел на двадцать, но оказалось, ему шестнадцать, еще не закончил школу.

Зато про Михаила ничего не было понятно. Он только рубил да помалкивал, разве что отпускал шуточки, особенно задирая Алёшу, отчего тот краснел, как девушка. Ясно, что с семьей он знаком сто лет, Татьяну вообще знает разве что не с детства, хотя и выделялся перед ней, как молодожен в медовый месяц. Но кто он такой, этот Михаил или дядя Миша, как звала его молодежь, чем занимается и как его прибило к этой семье?.. Светка догадывалась, конечно, но спрашивать не стала. Неудобно такие вещи спрашивать, да и кто они ей — уйдут через полчаса, и не вспомнить.

— Вы-то куда, вниз, вверх? — спросила Татьяна, когда они уже собирались: Анка гремела посудой, бегая мыть на реку, Алёша скорбно шупал ботинки, не решаясь в

них влезть, и только Михаил уже сидел на своем рюкзаке, полностью собранный, ожидая всех.

— Вверх. — Светка кивнула на ледник, хоть и знала, что они туда не пойдут. Стас, может быть, и поднялся бы, но с собой ни кошек, ни веревок. Да и делать там нечего.

— А что, категорийный, нет? — заинтересовался Михаил. Он ее неправильно понял. Пришлось объяснять, что не знает, что подниматься не будут, просто там озеро, под ледником, вот туда дойдут, постоят пару дней и обратно.

— А я читал, что не категорийный, — продолжал Михаил о своем, вроде бы не услышал. — Ну, что-то типа 1А. Или Б.

— Это уже категория, — сказала Светка.

— Да ладно, детская. Думаю вот, махнуть, что ли? А, махнем? Зарегистрируем Лёшке категорию с первого раза. Что, слабо?

Он кидал это, как кость. Анка хватала ее с пионерской готовностью. Алёша что-то мычал, а Татьяна смотрела на них с какой-то странной улыбкой, так что не возникало сомнений: она-то пойдет хоть сейчас, даже если никто больше не решится. Особенно, если никто не решится.

Ну а что, тандем — наилучшая комбинация для обеспечения мобильности, — думала Светка, глядя им вслед. Уходили так же шумно и бодро: Михаил впереди, за ним Татьяна, следом Анка и последний Алёша, опираясь на треккинговые палки. И было непонятно, чего жалко и непонятно, отчего неудобно, словно припала к замочной скважине, думая, что в комнате никого нет, а там чужая жизнь, и о ней сразу все стало ясно, даже то, чего не хотелось бы.

Ну и пусть с ними. Ушли, и больше не встретим. На то и горы. На то и выбирали они такие маршруты, где немного людей. Солнце стремительно пряталось за склоном. Стас скоро вернется. Надо бы сделать ужин. После чужой суеты наступившая тишина казалась раем. Одиночество возвращалось.

Законченный этюд оставила на кедре, между веток. В прозрачном пакете, чтобы не размыло дождем.

Утром стало понятно: вчерашняя погода — подарок. Еще на рассвете проступило голубое небо между горами, но быстро зашторилось. Ущелье, в котором они находились, было узким и извилистым. Горы вырезали в небе ровно столько пространства, сколько было отведено снизу реке. Глаз выхватывал этот кусок, а что там, за хребтами, можно только догадываться. Может, там синь да гладь, а все тучи ползут только здесь, как небесная река — над земною?

Ледник скрылся. На него села самая здоровая и самая серая туча. Наохлилась и распушилась с твердым намерением никуда в течение дня не слезать. Дождя еще не было, но ветер гнал по ущелью холодный, противный воздух. Костер разводить не стали, ходя дров, заготовленных Михаилом, могло хватить на три раза. Стас изумился, когда, спустившись, увидел эту гору: «Вот чем ты занималась весь день!» Пришлось его разочаровать. Но под ветром и с перспективой близкого дождя возиться с костром не хотелось. Заварили кипятком овсянку — *young porridge, sir*, надменно произносила Светка, протягивая Стасу миску, — собрали лагерь и отправились. Идти предстояло весь день.

Идти предстояло весь день, и тропа оказалась та еще. Древняя дорога древнего ледника, он уходил сверху, прорывая это ущелье и оставлял после себя, как после побоища, горы камней, горы больших камней, горы огромных камней. Сыпуха, курумник и морены, и неизвестно еще, что из этого лучше. Под рюкзаками, в которых и жизнь их, и дом, и еда на две недели, каждый камень — событие, которое следует пережить. Перелез, выдохнул. Смотри на следующий. И все в гору, в гору.

Вдруг долина стала расширяться, а пологое место, по которому бежала тропа, напротив, прижиматься к воде. Вот уже прыгаешь по самой кромке, вот уже прыгаешь

по камням в русле, под ногами сыро, и только турики, оставленные теми, кто прошел здесь до нас, заверяют: все верно, да, стремно, но правильно, и другого пути нет.

Потом река обернулась водопадом, срываясь с верхотуры, а они карабкались с ней рядом, бок о бок. Все это были верные знаки того, что озеро — рядом.

И вот вылезли. Открылось. И ахнули.

Каменная чаша, а в ней — вода. Но ни красоты тебе, ни умиротворения, ничего открыточного, туристского. Место мрачное, склоны серые, а в воде — трупы деревьев. Кедры, еще зеленые, еще не увяли, плавают вдоль берегов, болтаются, как щепки, перекрывают собою протоку — вот отчего так гудит вода, — завалили тропу. По берегам — обрубки, пни, крошево из древесины и веток. Камни, сдвинутые с прежнего места неведомой силой, темнеют вывороченным нутром — еще не прижились здесь, не обросли лишаями, не выгорели на солнце. В долине непривычно тихо. Вода стоит стылая, стальная. Ни птиц вокруг, ни ветра.

— Ледник сошел, — оценил ситуацию Стас. — Весной, скорее всего.

— Неужели, это то самое? — с горечью спросила Светка.

— Сейчас проверим.

Достал gps, но по голосу ясно — не может этого быть. Так и есть: никакого озера там, где они остановились, оно выше, а это — протока. Просто разлилась, затопило.

— Двинули.

Стас браво подтянул лямки рюкзака и полез первым — через ствол и по камням, выше, дальше. Какая уж тут тропа, какие турики. Направление знаешь, вот и шуруй. Не впервой же.

Вздохнув, Светка оседлала шершавый ствол кедра. Он слегка просел, ломая под собственным весом ветки, спущенные в воду. Внизу блеснуло — снег, ноздреватый, старый, но все еще холодный и белый. Как был похоронен под кедром, так и остался с зимы и вот уже почти пережил лето, а дальше смысла нет таять — все замерзнет опять.

Хорошо, дождя нет, — подумала, перелезая и цепляясь за ветки. Ползти тут мокрым да по скользким камням, то еще было бы удовольствие.

Но, конечно, накаркала: полило, сперва несмело, почти незаметно. Просто вдруг стали появляться на камнях темные пятна. Потом больше и больше. Разлив зашуршал, зашипел. Камни стали скользить под ногами. Надели куртки, на рюкзаки — накидки, пошли как можно быстрее, стараясь не повернуться. Наконец выбритый ледником склон кончился. Долина расширилась, склон порос травой. Появилась тропа и заструилась вверх, круто на хребет, укрытый долгожданной тайгой.

Хребет — всегда водораздел. Новый порог и новый водопад. А наверху, в чаше, будет их озеро.

И оно открылось, синее, спокойное, как и полагалось. Но под дождем — мрачное и слепое. Ледник не отражался, туча так и сидела там, но сомнений уже не было: озеро то.

Пустились бегом. По карте место для лагеря отмечено примерно на середине озера. Там должны быть поляна, кострище, место под палатку.

И она сама. И не одна даже. Два домика — красный и синий. Синий прикрыт полиэтиленом. Кедры над ними, а между — веревка, болтаются разноцветные воздушные шарики. Мокрые, дурацкие, такие не к месту здесь, такие городские. А под кедрами, на корнях, выложены свечи-буквы: «С днем рождения!» Рождение у них, черт. И кто только все это с собой тащит. В лагере — ни души, но кострище еще дымит, и канчик над ним парит, теплый.

И тут громыхнуло над перевалом, шархнуло, и полило сильней. Засуетились: некогда торчать, рассматривая чужую жизнь. Некогда сокрушаться, что не успели занять место. Стас оглянулся — и рванул вверх, в тайгу. В любой непонятной ситуации лезь наверх, а там разберешься. Сейчас сработало: пятидесяти метров не пробежали, а вот вам и место между кедровых корней, как раз хватит для одной палатки.

Но сейчас не до нее. Скинули рюкзаки. Прижались к стволу спинами. Громыкнуло опять, и шарахнуло градом. Стало дико холодно, как будто все тепло из воздуха выпили разом. Стояли у кедра и тряслись, зуб на зуб не попадал — от усталости, от холодрыги, — а кругом шумело, и сыпало, весь пятачок уже засыпало белыми шариками.

— Эй, соседи! Есть кто?

Снизу поднимались. Знакомый голос. Светка, продрогшая, с ног до головы мокрая, выглянула из-за кедра. Идет, синий, квадратный. Ботинки на босу ногу, ноги голые по колено. Огромный плащ болтается и шуршит, как будто он нацепил на себя парус.

— Дядя Миша! — обрадовалась, как родному. И не поняла сама, с чего вдруг слетел этот чеховский «дядя», но сразу он стал как будто ближе.

А дождь припустил сильнее.

— Прошли и ничего не сказали. Непорядок. Ну, я думаю, лишним не будет, правда?

Протянул термос. Вцепились, как будто о него можно согреться. Отвернули, откупорили — пахло горячо и вкусно: чаем, травой, взваром.

— Кружка одна, уж не обессудьте.

— Да вы что, не проблема, конечно!

— Вот еще, плеснуть можно.

Достал фляжку, опрокинул в термос. Пахло алкоголем. Стало веселее. Дождь лупил по хвое, по плащам, по всему.

— Ну давайте. За знакомство. — Чокнулись: фляжка, термос, крышка от него же. — Ладно, обживайтесь. Вечером занесете. И вообще приходите: у дочери день рождения, двадцать один!

Последнее говорил, уже спускаясь.

Пили чай с коньяком, смородиновым листом, обжигаясь, дую, и ничего никогда не пили лучше.

— А ты говорила, они шепутные какие-то, — укорил Стас.

Светка только пожимала плечами. Дождь не кончался.

Так вот, красота и одиночество.

А раньше была свобода и независимость.

В шестнадцать казалось, ничего нет важнее, чем обрести сразу и то и другое, и еще всем вокруг доказать. И потом, в двадцать. И потом, в двадцать пять все еще казалось — да, ничего нет важнее свободы и независимости. Уже стали появляться первые деньги, небольшие, но свои. Уже не надо было кланяться у родителей, копить тайно на снарягу и билеты, врать, что едешь с подружкой на море, солнце, пляж, мама, все как ты любишь, и никакого экстрима, боже упаси! А самой срываться в горы — только камни, только хардкор.

И вот перевалило за тридцать. И есть работа, и деньги, и родителям врать не нужно. Но не потому, что они теперь тебе доверяют. Просто вдруг стало понятно, что им постепенно становится все равно. Порвалась связь, самая крепкая, с которой не было ни свободы тебе, ни независимости. Не порвалась даже, ты сама ее порвала, все для этого сделала. А другой так и неросло. Ты-то наивно думала, что все это будет вечно, ага. И вот глядишь с удивлением, как они постепенно уходят, с каждым годом все дальше, в свой собственный мир. И места тебе там нет. Тебе, такой свободной и независимой.

И вдруг оказалось, все это — только флажки. Вершины взяты, флажки воткнуты в сугроб. Ты фотографируешься на фоне ультрамарина. Ты всем доказала. А дальше что? Ты уверена, что они будут с тобой всегда, твои высоты. Но ты спускаешься и

живешь, пьешь по утрам кофе и идешь на работу, и все, что есть у тебя, — это фото, где ты в дутом, теплом, в огромных очках, а за спиной — ультрамарин.

Но остановиться уже нельзя. Однажды в горы попав, бросить их уже не можешь. Это знает Стас, это знает Светка, эта знают все. Это болезнь, да, зависимость. Они снятся, мерещатся. В городе, стоя на балконе, смотришь на облако, плывущее над крышами многоэтажек — а видишь ледник и перевал. Встают над тобою эти твои высоты. Зовут. Манят. И срываешься, даже если уже не хотел.

Ну и что, что теперь горы не ради свободы и независимости. Красота и одиночество — тоже неплохо. Во всяком случае, когда нет дождя. И во всяком случае, когда никто не командует.

Утро началось с топора. Рубили звонко, бодро. Рубили в нижнем лагере. И третье утро уже начиналось так.

— О, нет...

Светка заныла, перевернулась, зарылась с головой в спальник, но сон не шел, в голову как будто вколачивали кол — с каждым ударом звонко, крепко.

— Соседи! — раздалось над самым ухом голосом дяди Миши. — Есть кто живой? Карты читать умеете?

Стас завозился. Вылез из спальника, ширкнул молнией. Поднялся из палатки. Стояли над нею и над душой, что-то обсуждали, даже поспорили. А внизу рубили. А ведь, выходит, это не дядя Миша там, — думала лениво. Дядя Миша тут, а рубит кто-то, или это снится, а если снится, то что — что говорит, или что рубит? Но уловить не получалось, мозг уплывал, нудеж не прекращался, в кронах трещала кедровка, крикнул ворон прямо над головой.

Nevermore, ага.

Светка резко села.

Спальник рядом — пустой и холодный. В палатку бьет солнце. Пахнет прелым лесом, смолой и дымом.

— Вставай, соня, — всунулась Стасова голова. Уже умытая, бодрая и свежая. Готова к подвигам. Не голова, конечно, сам Стас. — Королёвы с ними на перевал зовут. У дяди Миши карта хорошая нашлась, полукилометровка. И погода — что надо! Вылазь, завтрак пропустишь.

— О, нет...

Светка упала обратно на ворох одежды и спальников. Он уже знает, что все вместе они — Королёвы. Он уже знает, что они идут на перевал. Он уже собирается с ними. Светка — по умолчанию. И чутье говорило, что вся эта бодрость и тяга к подвигу ничем хорошим не кончатся. Обернется общественным, пионерским, как вчера. Не то лагерь, не то слет, когда все показушно бодры, энергия так и валит. Какая уж тут красота, какое еще одиночество! Одиночество разбавлялось компанией, а через красоту они бежали, не замечая, она сливалась в фон, пейзаж. Главное — цель. Залезть на вершину. Притащить самое здоровое полено. Сварить макарон столько, что их невозможно слопать, и выкинуть на утро стылую, слипшуюся в ком массу в кусты. А что, канчик надо мыть, и можно же еще приготовить. Столько, чтобы опять не съесть, даже вшестером.

Сделать с этим ничего было нельзя. Королёвы обладали сокрушающим гостеприимством и неподъемным дружелюбием. Они просто включили их тандем в свою команду, поглотили их, и теперь все, что делалось, делалось совместно. Сублиматы вредно, говорили они, а у нас и тушенка, и соусы. Пробежимся сегодня, говорили они, во-он до того подъемчика, а вечером вернемся. Нет, зачем тебе оставаться в лагере? Никого тут нет, вещи не тронут. И Стас с готовностью соглашался: ну, правда, чего ты будешь одна целый день? Пошли с нами. С ними.

Он вообще теперь во всем соглашался с дядей Мишей. Ему, казалось, было удобно, что кто-то взял на себя руководство, решение всех вопросов, и он мог

радостно подчиняться, не задумываясь. Он чувствовал себя полезным и сильным. Таскал, рубил, ходил с дядей Мишей на разведку. Светка смотрела и изумлялась: вдвоем он был совсем не такой бравый, героичный, умелый. А сейчас им можно было восхищаться. Собственно, он этого и добивался. Начала зарождаться догадка, что в тандеме ему просто скучно.

Вылезла из палатки, пошла умываться. Спуск к воде был через Королёвых. Рубила, как оказалось, Анка. Короткие велосипедные лосины и топ, светлые волосы убраны в толстую косу, топор блистал на солнце, как боевое оружие. Анка была похожа на валькирию, деву щита и меча. Да что там, она и была ею.

— Надо с размаху, понял! — говорила и действительно замахивалась очень браво и рушила топор на полено. Алёша, которому это все демонстрировалось, стоял рядом, смотрел кротко. Дров им давно не было нужно, дров было нарублено столько, что зимовать можно.

— Ты учись, учись, — бросал, проходя мимо, дядя Миша.

Он был занят чем-то, он всегда был чем-то занят, не сидел без дела, но в то же время за всем вокруг следил и во все вмешивался. Светка посмотрела на Алёшу с пониманием, он был ей симпатичен. Ей казалось, что он один всем этим тяготеет. Как и она.

Спустилась к озеру, умылась. Поднялась и огляделась. Гладь натянулась, ни ветерка. Солнце только-то лизнуло гору напротив. Воздух еще не прогрелся, было зябко и весело. Вода томная, холодная, ледники отражаются в ней во весь рост. Шумит река, срываясь водопадом. А ведь погода будет хорошей. Если бы только остаться, с палитрой и картонками своими поторчать тут, а еще там, и вон с той точки тоже сколько можно было бы этюдики оставить в этих кедрах!

Другой берег серый, необжитой — сплошная сыпуха. Камни всех возможных размеров. И даже если приглядишься, не разберешь, где лезли вчера. Пытались подняться на седловину. Обходили озеро по периметру. Прошли по кромке воды и стали забирать выше. Без тропы, какие уж тут тропы. К счастью, пошел дождь — ничего больше не могло бы остановить Королёвых. Но дождь пошел сильный, с ветром, не повернуть назад в такую погоду было нельзя.

У Светки всю дорогу в голове так и стучало: зачем нам туда, вот ради чего? Холодно, пусто, продуто. Никакой красоты там не будет. Однако никто больше таких вопросов себе не задавал. Стас просто шел, потому что его позвали, лез и лез, еще и руку подавал, еще и вперед убежал, пытаясь найти проход получше. Королевы не интересовали виды, фотоаппарат они с собой не носили. Они просто хотели подняться, похоже, даже не задумываясь, для чего им это, а когда стало ясно, что нужно повернуть, никто не высказал недовольства, так же бодро начали спускаться. Для них эти вылазки были развлечение, прогулки по окрестностям. По-настоящему же замахнулись на перевал. В тот день, когда Светка со Стасом пришли сюда, в Анкин день рождения, Королёвы уже успели залезть на безымянную высоту прямо над лагерем. Искали тропу. Не нашли. Но дядя Миша все равно перевалом бредил.

— Прийти сюда и не подняться — это, друзья, скажу я вам, преступление, — говорил по вечерам, и Стас с ним предсказуемо соглашался.

Налюбовавшись ледником и противоположным берегом, вернулась к костру. Там уже разложили по мискам кашу, и дядя Миша успел свою съесть и развалился у Татьяны в ногах, как в кресле, положив руки ей на колени, как на подлокотники, а голову на живот. Но в этой позе не было ничего томного, он продолжал всеми руководить.

— Палки не берите, не пригодятся, — говорил детям. — Там круто, мешаться будут. Если уж совсем никак, берите только одну.

— Веревку? — спрашивала Анка деловито.

— Да не, не нужна. Мы же так, туда-обратно. Спускаться не будем. Чисто плюнем на ту сторону и назад.

Все засмеялись, даже Татьяна.

— Ё поридж, сер, — сказал Стас, протягивая Светке миску.

Не моя, — хотелось сказать. Вообще не моя. Я варю по-другому, у меня и молока больше, и изюм, и курага. Но промолчала.

Наверное, это все-таки старость. Должна же она когда-нибудь начинаться, — думала, уплетая кашу.

Человек — животное социальное, вспоминался университетский курс антропологии. Стайное. Стадное. Куда все, туда и я.

А вот не дождетесь.

— Я две палки возьму, — сказала, подходя к палатке. В руках — сложенные трекинговые стики.

Стас сидел на корточках, собирал штурмовой рюкзак: газ, горелка, кружка, что еще? Нож, спички, gps.

— Неудобно будет, нет? — спросил, не поднимая головы. — Там крутовато, дядя Миша сказал.

— Ну и что, что дядя Миша. Мне будет страшно. А с двумя — самое оно.

Стас не ответил. Копошился, что-то еще перекалывал. Снизу, от озера, послышались крики. Встрепенулся:

— Побегали. Нас уже, наверное.

Но кричали не их, кричали по другому поводу: застенчивый Алёша штурмовал засохший кедр, который торчал возле их лагеря, почти у самой воды. Дерево гигантское, обломки веток упирались в небо, кора местами уже обсыпалась, одна гладкая, блестящая, отполированная ветром и дождем внутренняя сердцевина.

— Давай, давай! — подбадривала Анка снизу.

Татьяна молчала, только смотрела на сына ровно, без гордости или тревоги, как будто для того и родила его, чтобы он на сухие кедровые лазал. Дядя Миша деловито выглядывал снизу, как лучше, руководил. Алёша ничего ему не отвечал, в зубах нес желтый шарик. Он болтался, бил его по лицу и по голове, мешал, и смотрелся Алёша с ним странно — яркий, контрастный на фоне синего неба, черного кедра.

Высота была уже ой-ей, но он как будто решил долезть до самого верха. Светка почувствовала, что симпатия ее к Алёше растет пропорционально высоте: он казался сейчас маленьким бунтарем, наплевавшим на дядю Мишу, на его власть над всеми, над его «давай, давай» и «левее-правее». Показалось даже, что он и на кедр полез, потому что не хотел слушаться, не хотел идти со всеми. Человек — животное стадное, а я вот вам: на кедр, да еще и с желтым шариком.

Желтый на синем — символ независимости. А оттуда недалеко и до свободы.

— Налево давай, там выше, — командовал дядя Миша. В тишине долины, где гудел только водопад из ледника, его голос был зычный и разлетался на версту.

— Не залезть, — отвечал Алёша. Шарик изо рта вынул. Стоял на ветке, которая казалась крепкой, всматривался над головой, в ультрамарин. Приподнялся на цыпочки и стал крепить шарик к самой дальней ветке, до которой только сумел дотянуться.

Светка ощутила, что у нее вспотели ладони. Достала фотоаппарат, щелкнула — крошечный знаменосец вешает знамя на головокругительную высоту.

— Нормуль, — оценил дядя Миша. — Будет по-любому отовсюду видать.

— А это зачем? — спросила Светка.

— Ну, мы же сейчас уйдем, пройдемся до темноты. Там тропа не особо чтобы. А так не заблудимся хоть, — сказал дядя Миша. И вверх: — Лёха-молоток, слезай уже.

— Отсюда вид обалденный! — с восторгом ответил Алёша.

— С перевала еще лучше будет, — отозвался дядя Миша. Подцепил рюкзак,

попрыгал в нетерпении. Алёша спускался, выглядывая ветки под собой. — Ну, я покатил, догоняйте, — сказал и побежал, не в силах его дожидаться — крепкий, сбитый, сплошные мышцы. В одних шортах, совсем без всяких палок.

Татьяна посмотрела на сына, проводила взглядом дядю Мишу — и пошла следом. — Идешь? — сказал Стас. Не спросил, а скорее окликнул.

Светка вздохнула. Шарик снуло повис в безветрии — не зная, а очередной сигнальный флажок.

О том, что тропы не будет, дядя Миша почти не соврал. О том, что будет круто, не соврал вовсе. Тропы были козьи, узкие. Они вели в никуда и обрывались неожиданно. По ним можно было пройти недолго, но потом опять приходилось карабкаться, хватаясь за траву и камни, на всех четырех, как горные обезьяны. Белые горные обезьяны. Треккинговые стики болтались, прицепленные за лямки к запястьям, то и дело норовили попасть по ногам. Опирались на них доводилось не часто.

Назад и вниз Светка старалась не смотреть. О том, как будет спускаться, старалась не думать. Покрытый травой луговой склон то и дело взрывался ручьями — или таял снег наверху, или гора так пропиталась дождями, что отдавала воду при любой возможности. Ступишь — а из следа течет, вот и готов новый родник.

Потом луговина стала отступать, пошли камни. Вылезли на выход породы: три огромных глыбы, каждая — с дом, торчали, как ребра. Образовывали полку. Залезть на нее — и склон выполаживался, но камни мокрые, скользкие, неудобные: в щели еще лежал снег.

Дядя Миша штурмовал полку в лоб, Татьяна пошла в обход. Остальные остановились. Дышали. Смотрели. Светка оперлась о палки, как пилигрим. Сердце прыгало. В голове гудело. Там еще с утра засел звон топора. Наверх, на полку, совсем не хотелось. Как не хотелось и вниз — крутизна под ногами неприятно отзывалась под ложечкой. Бросила взгляд — озеро разлилось, голубое, спокойное, равнодушное до ее страхов. Желтый шарик пока еще видно. Туда надо будет скатиться вечером. В сумерках, без тропы. И по этой вот полке.

Дядя Миша с Татьяной уже залезли. Анка тоже карабкалась напрямую, подтягиваясь на руках, прилипнув к камню животом и грудью, как в родному. Светка посмотрела, как она болтает ногами в тяжелых ботинках, и пошла обходить камень сбоку. Где-то там должно быть проще, чутье говорило. Ну и что, что чутье — это старость. Кому от этого хуже?

Обход нашелся, пусть и не такой, как хотелось, тоже пришлось обниматься с камнем, но все-таки было не так страшно, как нависать над кручей, болтая ботинками. Вылезла, огляделась — все уже весело ползли дальше. Склон становился совсем каменистым.

Но еще небольшое усилие — и выбрались на плато. Холодная, продутая зальсина горы, не самая еще макушка, так, лобик, но и тут уже было ошеломляюще красиво, а главное, открывался вид на долину такой, что забылась вся сложность подъема — как всегда, когда взгляд тонет в красоте.

Озеро лежало как на ладони. Вытянутое, извилистое, оно казалось отсюда витражом, накрепко вставленным в оправу крутых берегов. Южный — выгоревший, серый и каменистый, северный — темно-зеленый, таежный. Шум водопада долетал равномерным, монотонным гулом, как будто бы там работал насос, который качал эту воду. И весь путь ее, от ледника через озеро и ниже — рекой в долину — был виден отсюда. Река стремилась вниз, вниз, прокладывая себе дорогу в ущелье, разливаясь на плоскогорье и захлебываясь в теснинах, и терялась в перспективе, где горы вставали друг за другом волнами, как нарисованные мягкой пастелью, все более и более прозрачные, все более и более нереальные.

Кружилась голова. Отдышалась. Достала фотоаппарат.

— Пойдем, а то отстанем, — сказал сзади Стас.

Он тоже любовался, бегал по кромке, топчя карликовые березки, выглядывая то с одной точки, то с другой, но за Королёвыми, оказывается, следил. А они уходили выше, на перевал. Отсюда уже виден — вон, черная седловина контрастно режет небо. Ледник еще выше, конечно, нависает белой глыбой, но на ледник они не пойдут. Хватит мозгов — не сунутся.

И вот по моренам, по моренам — этим черным камушкам, как будто просыпанным по склону, которые на деле окажутся размером с машину, с грузовик, с дом, и между ними будет зиять пустота, и станет дуть оттуда неприятно и жутко, и нога то и дело будет соскальзывать и норовить провалиться. Знаем, проходили.

А Королёвы проходят сейчас, становясь все мельче и мельче, уже теряясь на фоне черных камней.

Стас тоже уходил. И надо было нагнать. Потому что Королёвы — шут с ними, но Стас... Но красота. Но одиночество... Нет, лучше все-таки держаться вместе.

Пересекли плато. Голова кружилась при каждом глубоком вдохе. Тут оказалось небольшое плоское озеро, прозрачное, холодное и пустое, как слеза. На дальнем берегу попался памятник — легкий, из нержавеющей стали. На этом месте такие-то (трое) умерли от ботулизма при спуске с этого перевала. В году, когда вас еще не существовало.

Советские консервы были плохие, отец до сих пор боится ботулизма и проверяет все банки, не вздуло ли. А эти вот не проверили. Или не заметили. Устали, спустились, привал, а дальше еще сколько топтать, пока выйдешь к людям. Да и где они, эти люди... Голодные, замерзшие. Поужинали. И вот.

— Господи, какая нелепая смерть...

Голова кружилась сильнее.

Ладно бы, если от завала, лавины, в трещину провалились — это понятно, привычно, это почти геройство, и сколько таких памятников в горах. Но вот так, нелепо, на спуске... Прикинула возраст: нет, на родителей не тянут, а так, что-то среднее. Примерно как старшие Королёвы. А были тогда молодые совсем. Младше чем она сейчас.

— Идем! — окликнул Стас. Он уже стоял на границы морены. Шаг — и ползет. — Не будут ведь ждать.

И что, собственно? Пусть бы, пусть. Что заставляет, что гонит, куда и зачем? Что увидят они там, за перевалом? Другая страна или другой континент? Собственное будущее, только лучше и интересней? Из той страны, из того будущего спустились три имярек во времена, когда нас еще не существовало. У них брезентовая палатка и шариком рюкзаки. У них, наверное, была даже с собой гитара, кто не носил в те годы с собой гитар. Солнышко лесное и изгиб желтый, — что они пели там, в своих неподъемных брезентухах? А может быть, и Высоцкий, здесь вам не равнина, скалолазка моя, — кому-то не обязательно ходить в горы, чтобы знать, какие они. Так вот, спустились. Хоть и не до конца. Поужинали. В последний раз. Гитару, палатки и вещи уносили отсюда другие.

В моренах поднялся ветер, и было непонятно уже, отчего так сильно кружится голова — от этого ветра или от того, что неприятно смотреть в черные провалы, в которых блестит что-то, и как будто живет кто-то, выслеживает тебя. Или оттого, что неприятно думать о *них*, как и вообще о смерти — всегда — неприятно.

Вокруг шумело. И дуло. И шумело. В глазах белело, а потом началась темнота. Она появилась на периферии зрения, но стремительно наплывала, сужая видимость до точки. В этой точке, в единственно оставшемся доступном пространстве, как в глазке видоискателя, пыталась найти, зацепиться — Стас? Стас! Ушел? Нет, вон он, мелькает красная куртка, то выглянет из-за камня, то скроется.

— Стас! — И громче: — Ста-ас!

Ветер в лицо, крик сносит.

Темнота наплывала стремительно, с ней уже ничего нельзя. Но прежде, чем в видеоискателе померкло, успела утвердить в камнях острия палок, чтобы стоять на всех четырех, надежно и прочно, даже если отключится прямо сейчас.

Темнота схлопнулась. И ничего не стало. Только ветер. Только гул. Свобода. И одиночество.

— Осторожно. Вот так. Садись. Тут не дует.

— Да нормуль. Спасибо. Уже лучше.

Это была правда. С тех пор как темнота начала отступать, глазок видеоискателя расширялся, страх тоже пропал. И страх, и нервозность, преследовавшая с утра. Видимо, уже тогда что-то в организме знало, предупреждало ее, но не достаточно ясно. Теперь же все представлялось по-другому. С того момента как увеличился кусок видимого пространства, из пятачка, на который надо ступать, до полного окоема, все стало казаться веселее и легче. Все ерунда, по сравнению с этой темнотой. Все полная ерунда.

Стас шел рядом, поддерживал за локоть. Спускал ее с камней практически на себе. Голова уже почти не кружилась. Тошнота еще накатывала, но тоже пореже. Это при том, что спустились всего ничего — просто ушли с морен. Вот оно, озеро-слеза перед ними.

— Сейчас, чайку, — суетился Стас, доставая горелку и кружку. — Сейчас, сейчас. — Кажется, не на шутку за нее перепугался. — Блин, у тебя же впервые, да? Что было-то хоть? Резкий перепад давления?

Светка пожимала плечами. Да, горняшки не было никогда, и вот — сподобилась. Можно сказать, конечно, что повезло: обычно от нее дольше отходят. Хотя кто знает, еще не вечер. Почему — тоже не ясно: акклиматизация-то давно прошла.

— Старость — не радость, — попробовала улыбнуться.

— Какая старость? — фыркнул Стас. — В тридцать три года.

Он уже заварил чай, крепкий, аж на зубах хрустит, насыпал сахара столько, что в городе бы не выпить. Но тут хорошо. То, что надо. В голове гудело. Сидели за скалой, где не дуло, но все равно был слышен этот неумолчный гул, то ли водопад внизу, то ли ветер на плато.

Вдруг поняла, что озеро — не то, у которого памятник. И место совершенно другое. Распадок, цирк под самым ледником. Его язык спускается в воду. Отсюда, вблизи, видно, что снег не такой-то уж искрящийся и свежий, он почернел и вскрылся, но все равно лежит, не тает. Озеро под ним — потаенное, скрытое. Хребет, под которым они сидели, отделял его от плато. Поэтому тихо, поэтому так тепло. Подняла глаза — солнце ослепительно сияло на ледниковой спине.

И тишина. Безветрие. Одиночество. И красота.

— Какое ты хорошее место нашел.

— Это оно нас нашло.

— Жаль, палитру не взяла.

— Еще бы ты палитру на себе тащила.

— Я бы все это нарисовала. И нас.

— Селфи? — Смеется.

— Ну тебя! Семейный портрет. — Помолчала. — Извини, что с перевалом не получилось.

— Да ладно. Не особо-то и хотелось. Что я там не видел, 1А?

— Слушай, ну давай тогда от них отстанем? Надоели. Я устала. От этой бравады и суеты. Несутся куда-то, неизвестно куда. Как будто им чего не хватает. И ничего вокруг себя не видят. Вот этого вот всего. Мы же ни за что не пришли бы сюда, если бы не отцепились от них.

— Ну, без них мы бы сюда и не поднялись, согласишься?

- Блин... — Замолчала, подбирая обоснования. — Ну, блин...
— Ладно, посмотрим. Ты отдыхай пока. Нам еще вниз топать.

Внизу обнаружилось страшное — появились еще соседи. Ходили по стоянке, у озера, меж кедров, перекликались. Палатки — одну большую и две маленькие — вписали между деревьев, прямо на корнях. А что делать, больше мест нет, выбирать не приходится.

Светка со Стасом спустились первыми, Королёвы их не догнали. Шли долго, отдыхали при любой возможности. Если бы не Стас, не спустилась бы. Впрочем, она бы туда и не полезла, если бы не Стас. Дошли до места засветло, не понадобился даже шарик. Но увидев такую беду, Светка совсем помрачнела. Залезла в палатку. Зарылась в спальник. Самочувствие до сих пор было не очень, во всем теле — слабость, из головы как будто откачали воздух.

Стас же, увидев пришельцев, преобразился. Это были настоящие альпинисты — у палаток лежали каски, обвязки, железо, все дела. Казалось, он истосковался по всему этому. Глаза зажглись, озирался, как гончак на охоте. Довел Светку до палатки, проследил, чтобы устроилась, укрыл своим спальником, обещал чай. И побежал к соседям — знакомиться.

Наверное, я не права. Наверное, это только мне нужна красота и одиночество, а он ходит в горы для другого. И так же не может без этого, как я. Но что же мне делать, если я без него не могу теперь тоже, если я без него...

Додумать не удалось. Мысли путались. Светку знобило.

Однако еще живее, чем Стас, отреагировали на пришедших Королёвы. Они прямо так и вклинились в их лагерь, не успев скатиться со склона.

— Здорово, соседи! Откуда будете? — Дядя Миша гремел на весь лес. Внизу застучал топор. Начинались сумерки. Потянуло дымом.

Ребята оказались питерские. Дядя Миша обрадовался:

— А мы тоже из Подмоскovie. Земляки практически!

Шутки, похоже, никто не понял. Дядя Миша растворился, но, как оказалось, ненадолго:

— Соседи, чай готов. Спускайтесь, поужинаем!

Ему отвечали, что у них свое и что как раз будут сейчас готовить, на что дядя Миша гнал уже отработанное: да знаем мы ваше, одни сублиматы, а у нас тушенка, хлебушек, мужикам нужно мясо, так что без разговоров — посуду в зубы и вниз. Через минуту всех ждем.

И правда, сработало: загремели посудой, ложками, мисками, и лес вокруг опустел — все спустились к костру и озеру, на стоянку к Королёвым. Голоса оттуда доносились глухо и были почти неотличимы от гула реки, шума кедров, шума ветра в камнях.

Темнело. Палатка скрывала, и казалось, что Светка не лежит на земле, придавленная тяжестью головной боли и дурноты, а висит где-то в пространстве, как облако или шарик. И видит оттуда все: и озеро, и склон, и перевал, и слюдяные озерца на плато, и снег в распадках, и реку. И неважно, что все уже укрывается темнотой. Оттуда, сверху, все казалось озаренным белесым, будто лунным, светом. И было понятно все. И ничего не жаль.

— Соня, спишь? Ужинать будешь?

Стас. В палатку не влез, стоит рядом. Светка ухнула обратно в тело со своей высоты. В голове отозвалось глухо, как от удара.

— Нет. Тошнит.

— Плохо. Ну, чайку хоть выпьешь?

— Выпью.

— Я принесу.

— Не надо. Я сама. Приду. Сейчас.

— Королёвы завтра уходят. Они у питерцев карту новую взяли. Там, если на ту сторону идти, будет другой перевал, проще, без категорий. Это куда мы в первый день лазали.

— На ту сторону чего?

— Реки. Озера. Они оттуда сегодня пришли, мы просто не там лезли, как оказалось. Тропа есть, не надо было по камням. Просто реку придется вброд. И все.

— И все. Ага.

— Какая-то ты совсем неживая. Королёвы с собой зовут, кстати.

— Не сомневаюсь.

— И ребята говорят, там проблем не будет. Простой перевал, они снарягой не пользовались даже. А сами завтра идут, куда сегодня мы, только на ледник. У них восхождение, трешка.

— Флаг им в руки.

— Светк. Ну ты чего, правда? Не тухни.

— Я не тухну. Ты что Королёвым сказал?

— Ничего пока. Что мы подумаем.

— И как, подумал?

— Светка, ну мы зачем сюда пришли? Чтобы на месте торчать? Чтобы по одному и тому же маршруту туда-обратно топтать?

— Ладно, Стас. Делай как знаешь.

Ушел. Обиделся? Ну и пусть. В конце концов, она тоже имеет право. На свое *хочу* и на свое *не могу*. Жаль только, что у них в этом году они такие разные. Неприятно.

Закопалась в спальник поглубже, с головой. Холодно. Горная ночь, промозглая. Насколько день выдался жаркий, настолько ночь будет стылая. Зато будут звезды. Август, конечно, лету привет. Скоро и снег пойдет. Укроет здесь все — кострище, стоянку, мертвый кедр. Кусты у берега. Дурацкие свечки, которые Королёвы не заберут с собой. Зато люди уйдут отсюда, сезон кончится. Перестанут приходить, беспокоить. Будить. Голосами своими, жизнями наполнять. Останется только озеро. И тайга. И ледник над всем этим.

Что-то вдруг вздрогнуло, зазвенело и рассыпалось. Прислушалась. Гитара? Так и есть. Ударили по аккордам. И пробежали перебором. О, нет... Только не это, не дадут спокойно поспать. Ну кто, кто, скажите мне, таскает с собой в наше время гитару! Анахронизм какой-то. Питерцы, что ли? Альпинисты, мать их? Кто бы еще.

Крылья сложили палатки, их кончен полёт.

Крылья расправил предвестник разлук самолёт.

Пеплом несмелым подёрнулись угли костра.

Вот и закончилось всё, расставаться пора.

Припев пели на три голоса, негромко, проникновенно. Прямо-таки задушевно. И хотелось одновременно и плакать, и материться. Потому что нельзя же так, ну нельзя, честное слово. Нельзя, что ли, оставить в покое того, кому нужен покой. Нельзя не трогать, соблюдать тишину. Никуда не звать, не тормошить, не поить чаем. Не веселить и не развлекать.

Нет, нельзя. Достали. Вытащили. Ворча, как старый медведь, не зажигая фонарика, вылезла из палатки. Голоса уже смолкли, гитара стихла, только костер горел там, у воды. Спины чернели на его фоне. Говорили негромко. Светка остановилась в двух шагах. Вдруг показалось, что идти дальше не стоит. Так и стояла в темноте, прижавшись к мертвому дереву. Из той тишины, из того одиночества, в которое сама себя загнала, смотрела, и было странно, что может приблизиться, заговорить с ними. Попросить чаю. Подвинуться ближе к огню. Нет, не может. Она так замерзла, так

устала, так опустошена всем, что случилось, что чувствовала себя не человеком уже — духом местным, нездешним совсем существом.

— Я не уверена, что в этом есть смысл, — долетело потом, когда уши все же раскрылись, а глаза привыкли к контрастным теням от огня. — В смысле, чтобы идти на перевал. Как колени, болят?

— Да нормально мои колени, не думай даже! Вообще все нормально. А перевал сам в руки идет. Нельзя же упускать.

Татьяна и дядя Миша. И снова Татьяна:

— Мы уже были сегодня на одном. Тебе не хватит для первого раза?

— Вот обязательно надо напомнить, да? Ну и что, что первый. Главное, не количество, а качество. И Лёшке интересно будет. Пусть привыкает пацан.

— Лёшке, — вздохнула. — Кажется, ему это вообще не особо.

— Ну, мила, надо было знать, за кого замуж...

— Ох, прекрати.

Татьяна скользнула с бревна, на котором сидела, подкинула полешко в костер. Занялось ярче, запрыгали тени, и стало ясно, что рядом никого уже нет, они там вдвоем. И говорят то, что предназначено только им. Остальные уже рассосались по палаткам, вон мечутся лучи фонариков между кедров. А она, выходит, подслушивает. Нехорошо выходит. И стоило бы уйти, но она как будто приросла к дереву, не сдвинуться с места.

— Мне кажется, ты как будто пытаешься что-то наверстать. Каждое слово долетало, хоть и было не для нее. — Но ты пойми просто, что так не бывает. Всему свое время.

— А ты меня не списывай, не списывай. Мы еще побегаем. Нашла старика.

— Я не про возраст, Миш.

— А про что?

— Ну, просто. Чего тебе раньше не бегалось? Когда и мне этого хотелось.

— Тебе ли не знать! И чего не бегалось. И что я делал, пока некоторые, задрав хвост, неизвестно где носились. И деньги как — вот этими самыми руками! А ведь все для тебя.

— Ой ли! Мишка, ну вот, правда, не надо. Это детям можешь заливать, я-то, слава богу, все помню.

— И что ты помнишь? Как я каждые выходные к тебе мотался, помнишь? А кто-то за труд считал даже предупредить меня, что ее дома не будет. Приедешь, как дурак, а мама твоя: «Танюши нет, Танюша на слете. Танюши нет, Танюша в походе. Танюши нет, она по распределению уехала». — «Куда?» — «В Казахстан». И все. Ищи, свищи.

— Ладно тебе, Казахстан. Другая планета, что ли?

— Ага. А потом еще лучше: «Танюша замуж вышла, можешь больше не приезжать». Нормально?

— Миш, хватит. Кто старое помянет. Двадцать лет прошло.

— Двадцать два. По Аньке считать можно. — И замолчал злобно. Даже отсюда слышно, что не просто так замолчал. И потом: — А могли бы быть мои. Оба.

— Миш, не начинай. Они и так тебя любят. Сам как будто не помнишь. Каждый раз, как приедешь: дядя Миша, дядя Миша! С рук не слезали. Особенно Лёшка.

— То-то и оно. Дядя. Ай, да...

Замолчали. Костер трещал. На небе качались звезды. Падали куда-то за перевал. Одна, вторая. Было холодно.

Татьяна прижалась ему под бок, вкрутилась под руку.

— Мишка, хватит уже, ладно? Мы же решили вроде: все заново. С нуля.

— Ага. С нуля. — Но голос уже оттаял. Сжал ее медвежьей хваткой, привалил к себе: — Эх, Танька, Танька. Дура ты все-таки безмозглая. Ведь двадцать два года... Двадцать два.

Луч фонарика разрезал ночь, выхватил Светку, стал увеличиваться. Из-за него вышел Стас.

— Вот ты где! Чего пугаешь? Думал, ты лежишь, тебе плохо. Прихожу — а нет ее! И куда?

— Тихо ты. Выключи. Мне лучше уже.

— Правда? — Недоверчиво взгляделся. Хотя что разглядишь так, в темноте. — Ладно. Чего торчишь-то? Я термос с чаем в палатку отнес. Иди, выпей, да спать будем.

— Так, думаю.

— О чем?

— Надо было пастель брать. Серую, белую и уголь. И серую бумагу. Я бы это все нарисовала. Пепельное небо. Черные деревья. Звезды. Отблеск костра на воде.

— Художник. Замерзла совсем. Иди давай.

Приобнял за плечо и пропустил вперед по тропинке. И включил сзади фонарик, чтобы видела, куда ступает.

— Стас, а гитару кто принес? Питерцы?

— Какую гитару?

— Ну, играла которая.

— Тебе приснилось, нет? Никакой гитары. Кто в наше время гитары с собой носит?

По корням поднимались, как по ступеням. В соседних палатках тоже еще мелькали огни, слышались приглушенные голоса. Люди жили, дышали рядом. И совсем не раздражали сейчас.

— Стас, а ты что дяде Мише в итоге сказал?

— Что мы останемся. Что тебе плохо. Поживем пока, а потом спустимся, как пришли, по реке. Они ждать не будут, не переживай, у них дней в обрез до самолета.

— Стас. — Развернулась. Дождалась, что догонит. Погасила сама фонарик у него на лбу. В темноте стояла вплотную, теплое дыхание чувствовалось на лице. — Слушай, если ты хочешь, иди с ними. Продукты разделим, палатку бери, я за день спущусь до базы, буду тебя там ждать. Я просто не хочу, чтобы для тебя быть, ну как бы обузой, что ли...

— Все сказала? Молодец. Вон палатка. Шуруй давай.

Залезли оба. Спали, обнявшись от холода. И Светка знала, что проспит долго и не будет слышать утром ни голосов, ни стука топора, ни шума дождя по тенту.

А когда проснется, никого уже не будет. Дождь прекратится, и тучи разойдутся к полудню. Озеро будет опять играть, отражая небо и горы, и Светка сядет и станет все старательно зарисовывать.

Она нарисует озеро, горы и ледник.

Она нарисует склон, по которому вчера лезли, и желтый шарик как символ дома.

Она нарисует безымянное озерцо там, на плато. И памятник, и гитару у его подножья.

А на последней картонке нарисует тропу вниз. И две фигуры, идущие по ней. Слева, синим и белым — река. Справа, темно-зеленым — тайга. Две закорючки — два рюкзака на ножках, красный и желтый. Веселые, живые, топают вниз, к людям, а за спинами остаются одиночество и красота.

Стасу этюд понравится, возьмут с собой. Остальные попрячут в кедрях.